

ТАК ЛИ УЖ НЕВИННЫ СТАЛИНСКИЕ СУДЬИ?

Борис Ихлов

Нет ничего странного, что многие бывшие члены КПСС, идеологи КПСС никак не могут поверить, что Сталин совершал преступления. Но многие рабочие, врачи, учителя, студенты всерьез верят, что Сталин казнил реально виновных.

Очевидно, что поклонение Сталину в современной России вызвано тремя причинами: 1) либеральными реформами, которые разрушили экономику, наглостью, недееспособностью и безнаказанностью буржуа и чиновников и т.п., 2) тем, что проамериканские либералы, проамериканские троцкисты, либеральные буржуазные власти приватизировали право критики Сталина, 3) нежеланием масс действовать самостоятельно. Желанием масс протестовать только таким способом – потрясанием портретом Сталина.

Главным распространителем религии с господом богом Сталиным является КПРФ. Казалось бы, она окончательно дискредитировала себя выдвижением в кандидаты в президенты спекулянта землей Грудина. Тем не менее, обыватель, что бы ни предлагали прочесть о репрессиях, о чем бы узнать, о чем порассуждать – без всякой мысли твердит одно и то же: «Враньё».

Тем не менее, стоит почитать текст разведчика Александра Орлова 1953 года «Тайная история сталинских преступлений», <http://trst.narod.ru/orlov/xvi.htm>, вспомнить расхожее сталинистское: «Были ли жертвы репрессий так уж невиновны?» С тем подтекстом, что были виновны ВСЕ. Хотя – если б Сталин убил одного, он не равен всем, он как царь, он неподсуден? Зададим обратный вопрос: так ли уж непорочен Сталин? Так ли уж он не нарушал уголовное законодательство? Так ли уж невиновны сталинские судьи? Читаем.

«Чудовищные обвинения, выдвинутые Сталиным против старых партийцев, ошеломили весь мир. Обвиняемые, представшие перед судами в Москве, пользовались известностью далеко за рубежами страны. Это были люди, вместе с Лениным и Троцким поднявшие массы российских трудящихся на величайшую социальную революцию и основавшие государство, подобного которому не знала история.

Что могло заставить этих выдающихся деятелей вдруг изменить своим идеалам, своей партии, рабочему классу и совершить ряд гнуснейших преступлений - таких, как шпионаж, предательство, подрыв советской промышленности, вплоть до массового убийства рабочих - и всё это ради единственной цели - восстановить в СССР капитализм? Зачем им, которые победили царизм и буржуазию, вдруг понадобилось без всяких угроз со стороны белогвардейцев начать служить буржуазии? Московские процессы поставили мир перед дилеммой: либо все товарищи и ближайшие помощники Ленина действительно превратились в изменников и фашистских шпионов, либо Сталин является небывалым фальсификатором и убийцей.

Замешательство, вызванное чудовищностью обвинений, ещё более возросло, когда все обвиняемые признали свою вину в ходе публичного процесса. Ещё более усилилось недоверие к подобному суду. Странное поведение обвиняемых на суде породило самые разнообразные предположения и догадки: будто бы они давали свои показания под действием гипноза или показания были вырваны пытками, или же подсудимых пичкали специальными снадобьями, парализующими их волю. Только одно никому не приходило в голову: что Сталин прав и что старые товарищи Ленина сознавались в кошмарных преступлениях потому, что действительно совершили их.

Сталин, безусловно, понимал, что мир не поверит голословным заявлениям прокуратуры, будто основатели большевистской партии продались Гитлеру или японскому императору и старались восстановить в СССР капиталистические порядки. Поэтому естественно было бы ожидать, что он сделает всё, что в его силах, чтобы только подкрепить обвинения хоть какими-нибудь объективными доказательствами. Тем не менее, ни на одном из трёх московских процессов государственный обвинитель не смог предъявить ни одного документа, доказывающего вину обвиняемых: ни конспиративного письма, ни шпионского донесения, ни хотя бы политической прокламации либо листовки.

Эта особенность московских процессов представлялась ещё более странной, если вспомнить, что, согласно обвинительному заключению, масштаб заговора, инкриминированного подсудимым, был гигантским: он охватывал всю территорию Советского Союза, а его участники подозревались в нелегальных поездках в Германию, Францию, Данию, Норвегию, где якобы совещались относительно убийства руководителей советского правительства и расчленения СССР. По всему Советскому Союзу были раскиданы десятки активно действующих террористических и диверсионных групп, которые будто бы совершали покушения на жизнь вождей, взрывали мины и выводили из строя целые промышленные предприятия. В общем, сотни человек в течение целых четырёх лет подготавливали распад государства. Чем же объяснялся тот факт, что НКВД не сумел обнаружить ни единой бумажки или иного вещественного доказательства?

В беседе с несколькими иностранными писателями Сталин объяснил это так: обвиняемые, старые и опытные конспираторы, заранее уничтожили все документы, которые могли бы им повредить. Считая себя знатоком сыскной практики охранного отделения и современного НКВД, Сталин, вероятно, про себя посмеивался над наивностью собственного разъяснения, которое не выдерживало никакой критики. Партийцы-подпольщики в царской России были не менее опытными конспираторами, чем обвиняемые на московских процессах. Вернее, на скамье подсудимых и до революции, и теперь, при Сталине, сидели одни и те же люди. Тем не менее, полиция постоянно находила на их конспиративных квартирах массу документов, которые затем предъявлялись суду как вещественные доказательства их революционной деятельности. После Февральской революции в архивах охранного отделения были обнаружены сотни секретных партийных документов, включая письма самого Ленина.

(Тут не только наивность, тут софизм типа: «У вас есть рога? – Нет. – Значит, они у вас отпали. Б. И.)

НКВД, подобно дореволюционному охранному отделению, получал в своё распоряжение разного рода "зацепки" и документальные свидетельства с помощью агентов-provokаторов. Замечу, что в распоряжении НКВД было гораздо больше возможностей для вербовки секретных сотрудников, то есть осведомителей, чем у охранного отделения. Последнее, стремясь принудить революционера стать агентом-provokатором, не могло угрожать ему смертью в случае отказа. НКВД не только угрожал, но имел действительную возможность убивать строптивых, так как не нуждался в судебном приговоре. Дореволюционный департамент полиции мог отправить в ссылку самого революционера, однако не имел права сослать или подвергнуть преследованиям членов его семьи. НКВД такими правами обладал.

Когда советское правительство опубликовало отчёт о судебных заседаниях по первому процессу, западная пресса, с самого начала подозревавшая, что Сталин просто сводит счёты с бывшими лидерами оппозиции, подчеркнула тот факт, что суду не было представлено никаких объективных доказательств вины подсудимых. Реакция Запада встревожила Сталина, и он потребовал от государственного обвинителя Вышинского дать на следующем процессе публичное объяснение. И вот в своей речи на втором московском процессе, состоявшемся в январе 1937 года, Вышинский заявил:

- Приписываемые обвиняемым деяния ими совершены... Но какие существуют в нашем арсенале доказательства с точки зрения юридических требований?... Можно поставить вопрос так: заговор, вы говорите, но где же у вас имеются документы?... Я беру на себя смелость утверждать, в согласии с основными требованиями науки уголовного процесса, что в делах о заговорах таких требований предъявлять нельзя.

Таким образом, сам государственный обвинитель с циничной откровенностью признал, что обвинение не располагало какими бы то ни было вещественными доказательствами вины подсудимых.

(Ничего не напоминает? Например, доказательства спутниковой съемки того, что якобы Россия сбила малайзийский боинг, которые нельзя никому показывать в виду секретности. А есть еще научные теории, в аксиоматике которых значит, что из нельзя опровергать. И вообще кому-то рассказывать, Б. И.)

У любого думающего человека не мог не возникнуть вопрос: если следователи не смогли предъявить арестованным никаких улик, что же заставило старых большевиков сознаться в преступлениях, которые по советским законам караются смертью?

Люди, севшие ныне на скамью подсудимых, не раз предстали перед царскими судами и прекрасно ориентировались в основах уголовного законодательства. Они знали, что не обязаны доказывать свою невиновность, что, напротив, бремя доказательства возлагается на государственного обвинителя. Казалось бы, самым разумным для них было хранить молчание и ждать, пока расследование их "дела" не потерпит фиаско. Вместо этого подсудимые, к изумлению всего мира, единодушно сознавались во всех преступлениях, какие только им ни приписывались. Этот необъяснимый феномен повторялся на всех трёх московских процессах. Зная, что следственные органы не располагают ни малейшими уликами против них, арестованные партийцы из каких-то таинственных побуждений согласились обеспечить своих обвинителей единственным компрометирующим материалом, на котором вообще строились процессы - своими собственными признаниями!

Вдобавок они делали это с такой готовностью, что юристам и психологам всего мира оставалось только ломать голову: что же происходит? На каждом из процессов подсудимые без малейшего колебания сознавались в самых чудовищных преступлениях. Они называли себя предателями социализма и пособниками фашистов. Они помогали прокурору подыскивать самые ядовитые и уничижительные эпитеты, нужные тому для характеристики их личностей и деятельности... Они старались превзойти друг друга в самобичевании, объявляя себя самыми активными участниками заговора, главными виновниками. С необъяснимым усердием обвиняемые играли роль собственных обвинителей.

Итак, подсудимые во всём соглашались с тем, что говорил обвинитель, и даже не протестовали, когда он грубо искажал факты их биографий. Так, уступая давлению Вышинского, Зиновьев признал, что он, в сущности, никогда не был настоящим большевиком. Ещё более характерным оказался диалог Вышинского с Христианом Раковским. Раковский был участником революционного движения с 1899 года, после революции Ленин назначил его на пост руководителя советской Украины.

Вышинский. Чем вы занимались в Румынии официально? Какие у вас были средства к существованию?

Раковский. Я был сыном состоятельного человека. Мой отец был помещиком. ...

Вышинский. Значит, вы жили на доходы в качестве рантье?

Раковский. В качестве сельского хозяина.

Вышинский. То есть, помещика?

Раковский. Да.

Вышинский. Значит, не только ваш отец был помещиком, но и вы были помещиком, эксплуататором?

Раковский. Ну конечно, я эксплуатировал. Получал же я доходы, а доходы, как известно, получают от прибавочной стоимости. ...

Вышинский. Ну, ладно. Для меня важно было установить источник ваших доходов.

Раковский. А для меня важно сказать, на что я их тратил!

Вышинский. Это другой разговор. А сейчас вы поддерживаете отношения с различными помещичьими кругами?

Обвинитель так и не дал возможности Раковскому сказать, что он делал с наследством, полученным от отца. Почему же? Только потому, что Вышинский отлично знал - да и многие в партии знали, - что Раковский отдал всё унаследованное им состояние в фонд революционного движения. На его деньги существовала Румынская социалистическая партия, которую он же сам и основал, и ежедневная социалистическая газета, - он же её и редактировал. Наряду с этим Раковский субсидировал несколько революционных организаций в разных странах и оказывал материальную поддержку революционному движению в России,

А здесь ему не позволили даже сказать, что всё полученное им наследство было отдано партии! Вышинскому было важнее всячески выпячивать "помещичье прошлое" Раковского. Даже в томе "Малой советской энциклопедии", вышедшем уже после исключения Раковского из ВКП(б) за участие в антисталинской оппозиции, пришлось указать, что этот человек стал профессиональным революционером с шестнадцати лет, принимал активное участие в рабочем движении многих стран, неоднократно подвергался за это аресту. Более того, энциклопедия сообщает, что в мае 1917 г. он в связи с революционными событиями в России был освобождён русскими солдатами из румынской тюрьмы в Яссах».

Г. Я. Сокольников. В 1905 вступил в РСДРПб. Участвовал в революции 1905-1907, в т.ч. в восстании в Москве в декабре 1905. Входил в состав Сокольниковского райкома РСДРПб и Военно-технического бюро при московском комитете партии.

Осенью 1907 арестован, в феврале 1909 приговорён к ссылке на вечное поселение. Через 6 недель бежал, выехал во Францию. Совмещал учёбу в университете с участием в издании газеты «За партию» и заведованием рабочим клубом «Пролетарий». Жил в Швейцарии, где организовал бюро заграничных групп большевиков-партийцев, работал в Швейцарской социал-демократической партии. Последовательно придерживался интернационалистических позиций, близких к точке зрения Ленина, вместе с которым вернулся в Россию после Февральской революции в «пломбированном вагоне» (апрель 1917). Быстро стал одним из лидеров московских большевиков, с апреля 1917 - член московского комитета РСДРПб и фракции большевиков в исполкоме Моссовета. Выступал с резкой критикой в адрес Временного правительства, меньшевиков и эсеров, считая возможным объединение лишь с близкими к большевикам социал-демократами-интернационалистами. Составил проект новой программы большевистской партии.

На VI съезде РСДРПб (июль-август 1917) избран членом ЦК. Входил в состав исполкома Петросовета рабочих и солдатских депутатов и ВЦИК. Являлся членом политбюро ЦК большевистской партии, созданного для подготовки вооружённого восстания против Временного правительства. После прихода к власти большевиков был членом ВЦИК нового состава, редактором газеты «Правда». В ноябре 1917 был избран членом Учредительного собрания от Тверской губернии.

С ноября 1917 руководил национализацией банковской системы страны в качестве помощника комиссара Государственного банка на правах товарища управляющего, руководителя Комиссариата бывших частных банков, члена коллегии Народного комиссариата финансов (Наркомфина). Автор проекта декрета о национализации банков. В ноябре 1917 также вошёл в состав делегации, которая была направлена в Брест-Литовск для переговоров о перемирии. После отказа Троцкого от руководства делегацией в Брест-Литовске, сменил его на этом посту и 3.3.1918 подписал Брестский мир.

В мае-июне 1918 - член президиума ВСНХ, работал в газете «Правда».

В июне 1918 вёл переговоры в Берлине по экономическим и правовым вопросам, связанным с Брестским миром.

С 1918 - на фронтах Гражданской войны, был членом Реввоенсовета 2-й и 9-й армий, Южного фронта. В 1919-1920 - командующий 8-й армией: не имевший военного образования и опыта самостоятельного командования Сокольников был назначен на этот пост для укрепления доверия личного состава к начальству, после того, как часть работников штаба в условиях наступления Вооружённых сил Юга России дезертировали, а некоторые из них перешли на сторону белых. Показал себя хорошим организатором - под его командованием армия перешла в контрнаступление, совершила тяжёлый переход от Воронежа до Ростова-на-Дону, завершившийся взятием этого города. Затем она, совершив быстрый обходной манёвр, вышла к Новороссийску, что означало окончательное поражение деникинской армии. За военные заслуги был награждён орденом Красного Знамени.

Негативно относился к политике «расказачивания», поддерживал казачьего красного командира Филиппа Миронова, которого взял под защиту после приговора к расстрелу по обвинению в восстании против советской власти. Последовательный противник «партизанщины», сторонник строительства РККА на регулярной основе с использованием военспецов. В 1919 г. на VIII съезде РКП(б), указал на положительное влияние военспецов в работе военного комиссариата.

В 1920 - командующий Туркестанским фронтом, председатель Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК и председатель Туркбюро ЦК ВКПб. Руководил утверждением советской власти в Туркестане, борьбой с басмачами, проведением в короткие сроки в Туркестане денежной реформы - заменой местных обесцененных туркбонов на советские деньги. Во время его работы в регионе была отменена продразвёрстка (раньше, чем по стране), разрешена свободная торговля на базарах.

В 1921 был назначен членом коллегии Наркомфина, в 1922 стал зам. наркома финансов и фактически возглавил это ведомство (нарком, Николай Крестинский, одновременно был полпредом РСФСР в Германии и постоянно находился в Берлине). В этот период страна переживала финансовый кризис, к 1921 рубль по сравнению с довоенным временем обесценился в 50000 раз. Осенью 1922 Сокольников стал наркомом финансов РСФСР, а после образования народного комиссариата финансов СССР в июле 1923 возглавил это учреждение (до января 1926).

Летом 1922 участвовал в Гаагской конференции. В 1923-1924 руководил проведением денежной реформы, приверженец создания устойчивой валюты. Ввел в обращение твёрдую валюту - червонец.

Во время пребывания Сокольникова на посту наркома финансов была создана система банковских учреждений во главе с Госбанком, начали проводиться государственные кредитные операции (краткосрочные и долгосрочные займы), ликвидировано натуральное налоговое обложение и создана система денежных налогов и доходов, созданы Госстрах и государственные трудовые сберкассы, дифференцированы государственный и местные бюджеты, выработаны нормы советского бюджетного права, введены финансовая дисциплина и отчётность.

В июне 1924 - декабре 1925 - кандидат в члены ЦК ВКПб. В 1925-1926 участвовал в «новой оппозиции» Каменева и Зиновьева, выступал за коллективное руководство партией, высказывал сомнения в необходимости сохранения поста генсека ЦК, который занимал Сталин. После поражения оппозиции отошёл от неё, потеряв пост наркома финансов, при этом сохранив возможность занимать значимые посты в госаппарате.

В 1926-1928 - зампред Госплана СССР. В 1928-1929 - председатель Нефтеиндиката. В 1929-1932 - полпред СССР в Великобритании, с 1932 - зам. наркоминдел. В 1930 утратил пост члена ЦК, будучи переведён в кандидаты в члены ЦК.

В январе 1934 был подвергнут резкой критике на Московской партконференции за «ошибки в области индустриализации» - в частности, Каганович заявил, что простая колхозница политически грамотнее «учёного» Сокольникова. В 1935 был назначен на пост 1-го зам. наркома лесной промышленности.

26.7.1936 арестован по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Во время следствия, как и другие обвиняемые, был подвергнут сильному давлению; в то же время Сокольникову, по некоторым данным, обещали, что его жена Галина Серебрякова останется на свободе и сможет заниматься писательской деятельностью (обещание выполнено не было). Серебрякова вспоминает, что её мать вызвали на Лубянку и принудили написать письмо Сокольникову, что с её дочерью всё в порядке. В результате на открытом судебном процессе был вынужден признать свою вину и 30.1.1937 приговорён к 10 годам тюрьмы. По официальной версии 21.5.1939 убит заключёнными в Верхнеуральском политизоляторе. При расследовании, проведённом ЦК КПСС и КГБ в 1956-1961, бывшие оперуполномоченные работники НКВД Федотов и Матусов показали, что убийство Сокольникова (как и Карла Радека за два дня до этого) было произведено под руководством

старшего оперуполномоченного НКВД Кубаткина, действовавшего по прямому указанию Берии и Б. З. Кобулова; распоряжение о ликвидации заключённых исходило лично от Сталина. В Тобольскую тюрьму, где сидел Сокольников, приехал оперуполномоченный секретно-политического отдела Шарок, и они вместе с начальником тюрьмы Флягиным и бывшим сотрудником НКВД, который был осужден по Кировскому делу, Лобовым, убили Сокольникова.

Серебряков Леонид Петрович (30.5.1890, Самара - 1.2.1937, Москва), партийный и государственный деятель. Сын рабочего. Работал на пивоваренном заводе (Уфа), затем токарем на металлическом заводе (Луганск). В 1905 вступил в РСДРП, большевик. Участник революционных событий 1905-06 в Луганске, член комитета РСДРП. Вел партработу в Донбассе, Баку, Николаеве, Одессе. Москве, Самаре, Петрограде, Томске. Неоднократно арестовывался. В янв. 1917 призван в армию, служил в запасном полку в Костроме. В февр. 1917 вывел полк из казарм в поддержку революции: один из организаторов Костромского совета рабочих и солдатских депутатов. С июля 1917 работал в Москве, с октября член Президиума Моссовета, секретарь Московского областного бюро РКПб, член и секретарь Президиума ВЦИК. В 1919-21 член Оргбюро ЦК. В 1920-21 секретарь ЦК РКПб. Во время Гражданской был членом РВС Южного фронта и одно время нач. Политического управления РВС Республики. С 1921 комиссар Главного управления путей сообщения, а с мая 1922 зам. наркома путей сообщения СССР. С 1924 на хозяйственной работе в системе Наркомата путей сообщения. В 1927 исключен из партии, в 1930 восстановлен. С 1931 нач. Центрального управления шоссейных дорог и автотранспорта при СНК СССР, затем нач. Главного управления шоссейных дорог НКВД СССР, в 1935-36 1-й зам. нач. 17.8.1936 арестован по обвинению в организации террора и в шпионаже. В качестве одного из главных обвиняемых привлечен к процессу по делу "Параллельного антисоветского троцкистского центра". 30.1.1937 приговорен к смертной казни. Расстрелян.

Красный казак, большевик Каширин. В апреле 1918 Н.Д. Каширин вступил в ряды РКПб.

С усилением наскоков белых на Оренбург и Орск, Каширин сформировал конно-пеший отряд численностью до 880 штыков и сабель. Из Орска Каширин двинулся в губернский центр, где повстречался с отрядом, который возглавил В.К. Блюхер.

В момент выхода из Оренбурга в отряде было 1300 бойцов, к августу 1918 в его рядах было уже 9000, а в середине сентября - 12000. Под командованием сначала Каширина (до его тяжелого ранения в бою 2.8.1918), а затем В.К. Блюхера, когда Каширин был избран его замом, Николай Дмитриевич, несмотря на ранение, оставался в строю.

Южноуральский отряд, выдержав 20 сражений, прокладывая путь чаще всего штыками и саблями, из-за отсутствия боеприпасов, победоносно проделал 1500-верстный путь и 12 сентября соединился с основными частями Красной Армии в районе Кунгура. За блестящее осуществление рейда ВЦИК наградил В.К. Блюхера первым в стране орденом Красного Знамени. Несколько позднее тем же орденом №43 за отвагу в борьбе с дутовцами был награжден Каширин. В январе 1920 Каширин избран на первый Всероссийский съезд трудовых казаков, где он беседовал с Лениным.

За блистательные победы в борьбе с Врангелем Каширин награжден вторым орденом Красного Знамени. Более 3000 кавалеристов под командованием Каширина проводили ликвидацию Махно, Каширин награжден высшей наградой ВС СССР в 20-х - Почетным революционным оружием. На ножнах шашки, к которой был прикреплен орден Красного Знамени; было написано: «Народному герою Николаю Дмитриевичу Каширину от ВЦИК». В последующем Каширин командовал различными корпусами, учился на Высших академических курсах комсостава, был избран во ВЦИК. В 1930 Каширин стал командующим Северо-Кавказским военным округом, в 1934 - членом Военного совета Наркомата обороны, в 1937 - начальником главного управления боевой подготовки РККА. Он был членом ЦИК, депутатом Верховного Совета СССР, командармом 2-го ранга.

Первым в семье арестовали Петра Каширина, 6.6.1937, предъявив обвинение «в измене родине и участие в антисоветской диверсионно-террористической организации», состоявшей якобы из остатков белого офицерства. 4.2.1938 расстреляли. Ивана Дмитриевича, ярчайшего командира гражданской войны, арестовали 21.6.1937 за «принадлежность к антисоветской террористической казачьей организации». На допросах тот не позволил оскорблять себя, за что был убит следователем 16 июля. А объявлен умершим 20.9.1937.

Николай Дмитриевич в 1937 участвовал в составе специального судебного присутствия на процессе по «делу» Тухачевского и других военачальников РККА. Его отношение к процессу не понравилось организаторам суда. 19.8.1937 Николая Каширина арестовали. В архивах КГБ сохранилась справка «Каширин Николай Дмитриевич... был арестован органами НКВД СССР по обвинению в принадлежности «к военно-фашистскому заговору» и приговорен военной коллегией Верховного суда СССР от 14.6.1938 к расстрелу, приговор приведен в исполнение в тот же день в городе Москве.

Указание об аресте Каширина было дано лично Сталиным.

23.8.1937 Каширин под пытками написал заявление на имя Ежова, в котором признавал свое участие в антисоветском правотроцкистском заговоре. В феврале 1938 от него было получено заявление о том, что маршал Советского Союза Егоров возглавлял военную группировку правых, проводившую подрывную работу в контакте с «военным заговором» Тухачевского. В числе участников группировки правых Каширин, со слов Егорова, назвал Буденного, Белова, Дыбенко, Халепского и других.

В целях изобличения Егорова в принадлежности к антисоветской организации 26.2.1938 Каширину в присутствии Молотова и Ворошилова была дана очная ставка с Егоровым, который еще не был арестован. На очной ставке, вопреки ожиданиям получения изобличающих Егорова показаний, Каширин сделал заявление, что сам он не был участником какой-либо антисоветской организации, что в застенках НКВД содержится много невинных командиров, которые под воздействием репрессий дают ложные показания, и что его показания в отношении Егорова ложны. Тогда же Каширин заявил Ворошилову: «Не верьте ничему, что бы я ни писал в своих дальнейших показаниях».

Следствие по делу Каширина вел сотрудник Особого отдела НКВД СССР Ушаков, известный как грубый фальсификатор, применявший зверские приемы при расследовании ряда дел (21.1.1940 осужден к расстрелу – Сталин убирал свидетелей). Будучи в 1939 арестованным, Ушаков на очной ставке с арестованным Фриновским подтвердил: «Каширин заявил, что никакого военного заговора нет, арестовывают зря командиров. Я вам говорю это, как заявил Каширин, не только от своего имени, но по камерам ходят слухи от других арестованных, что вообще заговора нет. На вопрос Ворошилова Каширину, почему же вы дали такие показания, Каширин ответил, указывая на меня, что он меня припирает показаниями таких людей, которые больше, чем я. При этом он добавил, что на двух допросах его били». «Было решено, - говорил он, - устроить очные

ставки ряду арестованных, которые давали показания на Егорова, в частности, и Каширина с Егоровым, который еще не был арестован. Эта очная ставка должна была проводиться Ежовым в присутствии Молотова и Ворошилова в кабинете у Ежова. Первым был вызван Каширин. Егоров уже сидел в кабинете. Когда Каширин вошел и увидел Егорова, он попросил, чтобы его выслушали предварительно без Егорова. Егорова попросили выйти, и Каширин заявил, что показания на Егорова им были даны под физическим воздействием следствия, в частности, находящегося здесь Ушакова».

Сообщение Каширина об истязаниях, которым подвергаются военные, было оставлено без внимания, а сам Каширин был вновь подвергнут избиениям. В результате 3.4.1938 он написал письмо Ежову, в котором свое заявление на очной ставке с Егоровым осудил как провокационное. Он вновь подтвердил свои показания о своей принадлежности к военному заговору. В этом заявлении Каширин вынужден был написать следующее: «Прошло уже больше месяца с того момента, когда я 26 февраля с. г. сделал Вам и находящемуся у Вас в кабинете Наркому обороны СССР маршалу Ворошилову К.Е. провокационное заявление, направленное на дискредитацию органов НКВД... Мое провокационное заявление о том, что я не являюсь участником заговора, а в НКВД существует застенки, в котором содержится много невинных командиров, не было случайным и неожиданным. Наоборот, оно сложилось у меня уже давно и вытекало из моего непримиримого враждебного отношения к Советской власти... Но вот когда 26 февраля с. г. Вы и нарком обороны вызвали меня на очную ставку с Егоровым, я решил осуществить свой провокационный план и продумал его с возможной полнотой и деталями с тем, чтобы придать моему провокационному заявлению возможно более убедительный характер. И тогда я пришел к следующим основным решениям: а) Сказать о себе, что не был участником контрреволюционного заговора, и отказать от всех своих прошлых показаний и тем самым опорочить их. б) Сказать, что НКВД арестовано много невинных командиров, которые якобы под влиянием репрессий дают друг на друга ложные показания. В этом направлении я примерно и сделал свое гнусное провокационное заявление Вам и Наркому обороны Ворошилову».

Хусаин Багаутдинович Мавлютов родился в 1893 в Чистополе, в семье ремесленника.

19.11.1918 на собрании пермской ячейки РКПб Мавлютова избирают членом Пермского губкома. Он возглавляет татаро-башкирскую секцию при губкоме и делегируется на 1-й Всероссийский съезд коммунистов-мусульман.

С началом гражданской войны Мавлютов организует татаро-башкирские части Красной Армии. В деревне Каяново по его инициативе была создана ударная красногвардейская группа

При участии Мавлютова создаются первые 3 социалистические мусульманские роты. На их базе впоследствии развертывается 21-й мусульманский стрелковый полк, состоящий, в основном, из татар и башкир Прикамья.

В мае 1919 г. Мавлютова назначают командиром 3-го полка 1-й отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады, сформированной в Казани и Самаре. В составе бригады полк участвует в прорыве дутовского фронта под Оренбургом и в ликвидации «оренбургской пробки». После чего полк преследует белоказаков в Орском направлении.

Белоказаки и войска контрреволюционного правительства «Алаш Орда» уничтожены; полк в составе Татарской бригады отправляется в Туркестан. В 1920 г. Мавлютов со своим полком возглавляет ударную группу войск, штурмует Бухару, громит войска бухарского эмира.

За боевые отличия, доблесть и героизм в годы Гражданской войны Х. Мавлютов был награжден двумя орденами боевого Красного Знамени и именной саблей.

После войны Мавлютов направлен в Военную Академию им. Фрунзе, по окончании основного курса продолжает учебу на Восточном факультете. Закончив учебу, с 1924 по 1926 работает помощником начальника Объединенной Средне-Азиатской (Ташкентской) военной школы.

С сентября 1926 по февраль 1931 Мавлютов - в распоряжении Разведуправления РККА, его должность - помощник начальника 1-го отдела Организационного Управления Штаба РККА, на дипломатической работе, в советском консульстве в Персии. Помимо татарского и русского, Мавлютов владеет английским, турецким, персидским языками.

1931-1932 - помощник начальника 3-го отдела 4-го Управления Штаба РККА.

С октября 1932 по май 1935 - начальник разведотдела штаба Кавказской Краснознаменной армии.

В 1935 Мавлютов получает звание полковника и с мая 1935 г. по август 1937 г. работает начальником разведотдела штаба Закавказского Военного округа.

23 августа его неожиданно увольняют в запас. Приговор ВКВС от 30 октября 1937 г. – высшая мера наказания.

...

«Миллионы убитых задешево протоптали тропу в темноте...»

Только дебилы или сумасшедшие могли бы поверить, чтобы Сокольников, Мавлютов или Каширин вдруг стали пособниками империализма. Но ведь верят! Зюганов верит, Нина Андреева верит, Юрий Мухин верит, академик Катасонов верит, глава РКРП Тюлькин верит, население России верит.

Далее.

«Нежелание старых большевиков даже пальцем пошевелить в свою защиту само по себе уже настораживало. Но ещё более показателен такой факт: проявляя столь странное равнодушие к собственной защите, обвиняемые в то же время постоянно отстаивали правоту Сталина и его политику, оправдывая даже московские процессы, которые он затеял против них.

- Партия, - говорил Зиновьев в своём последнем слове, - видела, куда мы идём, и предостерегала нас. В одном из своих выступлений Сталин подчеркнул, что эти тенденции среди оппозиции могут привести к тому, что она захочет силой навязать партии свою волю... Но мы не внимали этим предупреждениям.

Подсудимый Каменев в последнем слове сказал:

- В третий раз я предстал перед пролетарским судом... Дважды мне сохранили жизнь. Но есть предел великодушию пролетариата, и мы дошли до этого предела.

Вот уж, действительно, необычайное явление! Очутившись на краю пропасти, под гнётом обвинения, старые большевики рвутся на помощь Сталину, вместо того чтобы спасти себя, - будто не им грозит смертная казнь. А ведь из простого чувства самосохранения они должны были хотя бы в последнем слове сделать отчаянную попытку защитить себя и спастись, а вместо этого они тратят последние минуты жизни на восхваление своего палача. Они заверяют окружающих, что он всегда был слишком терпелив и слишком великодушен по отношению к ним, так что теперь имеет право их уничтожить...

Оценивая их поведение, можно подумать, что каждым из них владело единственное непреодолимое желание: поскорее умереть. Но это не так. Они отчаянно боролись за жизнь, - но не доказывая свою невиновность, как поступают обвиняемые перед настоящим, беспристрастным, справедливым судом, а лишь стремясь возможно более точно соблести уговор со Сталиным: оклеветать себя, восславить его.

Сталин, разумеется, знал, что уже первый из московских процессов был встречен на Западе с недоверием. Было трудно поверить, что недавние вожди советского народа вдруг превратились в предателей и убийц. Естественно, возникли предположения, что эти люди оклеветали себя, будучи подвергнуты пыткам, и что Сталин просто прикрывает судебной процедурой убийство ни в чём не повинных людей. Сталину было чрезвычайно важно рассеять такое впечатление. Но как? Если он попытается уверять, что старых партийцев не пытали, это лишь укрепит подозрение в том, что пытки всё-таки были. И вот на двух последующих московских процессах не кто иной, как сами обвиняемые, встают и опровергают упорные слухи о том, будто к ним применялись пытки.

Например, Бухарин, выступая на третьем московском процессе, назвал "заграничными выдумками", будто он и другие подсудимые подвергались пыткам, воздействию гипноза и наркотических средств, "сказками и безусловно контрреволюционными баснями"».

Интересно, кстати, было бы узнать, какими путями Бухарин проведал, что пишет о нём зарубежная пресса. Как известно, в Советском Союзе никто, даже и те граждане, что находились на свободе, не имели доступа к иностранным газетам, - что же тут говорить о заключённых!

Но допустим, что следователь на очередном допросе вывалил перед, скажем, Бухариным, кучу зарубежных газет и сказал: «Видишь, что пишут НАШИ С ТОБОЙ враги! Ты же хочешь выступить против НАШИХ С ТОБОЙ врагов! Послужи делу социализма!»

Именно так и описывает дело Пильняк в рассказе «Шоколад»: укатали невинного человека в тюрьму, хотят расстрелять. Невинный мучается, мол, как так?! Тут выясняется, что он невиновен. Но приходит к нему следак и говорит, мол, скажи, что виновен. Ведь если тебя выпустить, это означает, что НКВД плохо работает, невинных хватает. Это послужит буржуазии. А если тебя расстреляют, тогда всё нормально, революцию надёжно охраняют, авторитет социалистической власти укрепит. А ведь и верно, сказал невинный, нужно меня расстрелять! «И весело забарабанил пальцами по столу...»

Тут вот какая беда. Не могли действовать в рамках такой «логики» ни следователи, ни обвиняемые. Потому что большее вываливание в грязи революции трудно придумать, нежели обвинить в служении буржуазии и расстрелять тех, кто ее совершал. На месте буржуазии лучше было бы признать правоту Сталина и заявить: «Посмотрите на этих грязных революционеров!»

С другой стороны, если людей заставляют служить социалистической власти в тюрьме, это означает, что следствие убеждено в их невиновности, в их преданности делу революции.

Между прочим, КПСС сохранила сталинские традиции до правления Горбачева. На допросе руководителя «Союза коммунистов» вашего покорного слуги в присутствии завкафедрой теор. физики МГУ Игоря Тернова сотрудник КГБ спросил: «Вы понимаете, что своими статьями о плохой экологии вы льете воду на мельницу ЦРУ?» Логика вывернута. Виноваты не те, которые кричат, что они гибнут от плохой экологии, а тот «советский» чиновник, который эту плохую экологию устраивает, и тот, кто этого чиновника, как сотрудник КГБ, защищает. Это КГБ с «советскими» чиновниками, устраивая плохую экологию, льют воду на мельницу ЦРУ!

Еще один сталинский атавизм - болезненная реакция на критику. Сохранилась даже в современных «коммунистических» партиях: КПРФ, РКРП-РПК, ВКПб. Попробуйте их покритиковать – и вам тут же скажут, что вы льете воду на мельницу «Единой России», запишут во враги народа, в жидо-масоны и вашу фамилию «Иванов» переименуют в «Ивановец».

Но уж если речь зашла об атавизмах сталинщины. Откуда, как вы думаете, у советской, ставшей потом российской, милиции такой опыт вышибания признаний путем избиений?

Продолжим цитирование.

«Обвиняемый на втором процессе Радек, славившийся остроумием, кажется, даже слегка переусердствовал в стремлении обелить сталинское следствие. Он сказал, выступая в зале суда:

- Два с половиной месяца я мучил следователя. Здесь поднимался вопрос, не мучили ли нас в ходе следствия. Я должен сказать, что со мной дело обстояло как раз наоборот: это я мучил следователя, а не он меня!

Что за парадокс: старые большевики были ужасно удручены тем, что мир сомневался в их виновности! Их прямо-таки выводил из себя тот факт, что в других странах их продолжали считать порядочными людьми и жертвами сталинской инквизиции, а вовсе не шпионами, предателями и убийцами. Накануне того дня, когда по приказу своего заклятого врага им предстояло получить пулю в затылок, они беспокоились о том, как бы в мире не подумали, что Сталин - бесчестный обманщик, заставивший их клеветать на себя и друг на друга.

Одной из особенностей московских процессов явилось поразительное единомыслие, связывавшее обвиняемых, обвинителя и защиту. Все они стремились доказать, что подсудимые несут ответственность за любые бедствия, обрушившиеся на советский народ - за голод, за частые железнодорожные катастрофы, за аварии на заводах и шахтах, сопровождавшиеся гибелью рабочих, за крестьянские восстания и даже за непомерный падеж скота, - в то время как Сталин, и никто кроме, является спасителем народа и "надеждой мира". Заявления подсудимых не отличались от деклараций прокурора. Речи защитников содержали ещё более резкие выпады по адресу обвиняемых, чем позволял себе государственный обвинитель.

Хотя сам Вышинский отметил, что следственные органы не смогли обнаружить документальных свидетельств и, таким образом, обвинение основывается лишь на признаниях обвиняемых, защитник Брауде заявил на суде:

- В настоящем деле, товарищи судьи, не может быть спора о фактах. Товарищ прокурор был совершенно прав, когда заявил, что со всех точек зрения - с точки зрения *документов, собранных по делу*, с точки зрения допроса вызванных в суд свидетелей... все факты подтверждены, и в этой части защита не имеет намерения входить в какое-либо противоречие с обвинением.

Другой защитник, Казначеев, в своей речи на втором из московских процессов сказал:

- Факты дела основаны не только на показаниях обвиняемых, но и отягощены весом свидетельств, имеющихся в нашем распоряжении. Тяжесть вины подсудимых не поддаётся измерению!»

У документов нет и не может быть точки зрения, они ведь неживые. «Со всех точек зрения» - тоже не может быть, скажем, с точки зрения фашистов они правильно вторглись в СССР. Вы будете смеяться, но этот идиотский язык, эта демагогия и сегодня воспринимается сталинистами как что-то человеческое. Они не понимают, в чем тут демагогия.

Пример: Когда речь зашла о разрешении продажи водки, Сталин заявил, что нужны деньги, можно было бы занять у мировой буржуазии, но это поставит в зависимость; поэтому займем у своего народа. Но это не просто "займем". "Займем" - это подтасовка. На деле это значит - понизим качество жизни, значит - понизим производительность, значит - снизим гражданскую активность. Значит - подготовим почву для разгула пьянства. «Поставит в зависимость» - это и есть демагогия, обман трудящихся.

Или: когда во время войны один деятель предложил в танках двойную броню (а это означало перестройку всей танковой промышленности), Сталин сказал: «Разрушаясь, защищает. Вот диалектика!» И вся танковая промышленность надолго завязла в тогда не осуществимом проекте. С диалектикой – тоже демагогия.

А какие формулировки у Верховного! «Не нашли ни единого факта, подтверждающего невиновность».

Или: «Тов. Сталин в своей телеграмме на имя ЦК компартии Испании, на имя тов. Хосе Диас сказал, что «трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они, - сказал тов. Сталин, - отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а - общее дело для всего передового и прогрессивного человечества.»

Как вы думаете, откуда это? Из новогоднего выступления в Мадриде? Из приветствия на школьном утреннике? Не смейтесь – это фрагмент *доказательства* из речи Вышинского «Шпионаж и террор» по «Делу антисоветского троцкистского центра». И далее:

«И я хочу просить вас, товарищи судьи, чтобы и вы, взвешивая все обстоятельства данного дела и оценивая значение преступлений, совершенных подсудимыми, также подошли к этому делу с точки зрения охраны интересов нашего государства, с точки зрения интересов всего передового и прогрессивного человечества.»

Вы можете себе представить, чтобы такая откровенная демагогия звучала в зале суда?

А это откуда: «Ленинизм учит не только искусству наступления, но и искусству отступления. «Нельзя, - писал Ленин, - победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению.» (т. XXV, с. 177)» Из урока по обществоведению в 9-м классе? Нет! Оттуда же.

Как же убивали Горького, ну, по прямому указу Троцкого? Вот как: «... И Рыков на мой вопрос прямо сказал: «Он, Енукидзе, говорил настолько в повышенных тонах или резко враждебных выражениях, что мне было ясно, что за этим тоном кроется возможность применения насильственных мер.» Следовательно, я считаю совершенно точно установленным, что в 1935 г. Енукидзе с Рыковым говорили о Горьком в угрожающих для Горького тонах. ...»

Еще образчик:

«... Или возьмите Дробниса, старого профессионального троцкиста, этого истребителя рабочих по формуле - «чем больше жертв – тем лучше». Или возьмите Князева, японского разведчика, пускавшего под откос не один десяток маршрутов. Или Лившица, бывшего заместителя наркома путей сообщения и одновременно заместителя Пятакова по преступным делам на транспорте. ...»

Никаких доказательств, что несчастный Дробнис уничтожал рабочих или что Князев пускал под откос «маршруты» десятками – нет. А Пятакова же обвиняли в уголовном порядке за то... о, господи. За то, что он выступал против позиции Ленина по вопросу о самоопределении наций. Вот так.

Ленин пишет: «Бухарин – любимец партии.» Вышинский о Бухарине: «... эта проклятая помесь лисы и свиньи...»

Сталинисты утверждают, что Каменева и Зиновьева надо было расстрелять хотя бы за то, что они раскрыли время готовящейся революции, а Бухарина за то, что хотел войны до победного конца, а Ленина, чтоб не мешал – арестовать. Но если их не расстрелял сам Ленин, даже в условиях той страшной Гражданской войны – так Сталину лучше бы помалкивать.

В январе 1939-го Сталин специальной шифротелеграммой оповестил региональных руководителей партии и НКВД, что «применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)»

Сохранились собственноручные резолюции Сталина на поступающих к нему от Ежова протоколах допросов арестованных, в которых он требовал «бить». Например: 13 сентября 1937-го в письменном указании Ежову Сталин требует: «Избить Уншлихта за то, что он не выдал агентов Польши по областям (Оренбург, Новосибирск и т.п.)»; или 2 сентября 1938-го на сообщении Ежова о «вредительстве в резиновой промышленности» Сталин оставляет пометку: «NB Вальтер (немец)» и «NB (избить Вальтера)». Личные пометки Сталина зафиксированы и в его пометках «бить, бить» в опубликованных ныне так называемых расстрельных списках.

Однако продолжим!

«Но кто-нибудь может подумать, что так называемые защитники произносили подобные речи, утратив всякое чувство стыда и стараясь не встречаться глазами со своими подзащитными, а те, напротив, метали в их сторону гневные взгляды, поскольку их доверие к защите оказалось так подло обмануто. Ничего подобного! Защитники не могли испытывать угрызений совести, да и подсудимые вовсе не были охвачены негодованием. Все участники сталинских процессов знали, что каждый из них, будь то обвиняемый или защитник, прокурор или судья, действует не по своей воле, а вынужден играть роль, назначенную ему в строгом соответствии с заранее подготовленным сценарием. Перед каждым маячит роковая дилемма. Для обвиняемого она выглядит так: играть роль уголовного преступника - или погубить не только себя, но и свою семью. Для обвинителя и председателя трибунала - провести судебный спектакль, назначенный Сталиным, без сучка и задоринки или погибнуть ни за что, за малейшую ошибку, которая даст повод заподозрить, что всё дело шито белыми нитками. Для защитника - в точности исполнить тайную инструкцию, полученную от прокурора, или разделить судьбу своих подзащитных...

Одна из целей Сталина состояла в том, чтобы запугать недовольные массы рабочих и тех членов партии, кто всё ещё сочувствовал оппозиционерам. Требовалось показать им, какая судьба ждёт любого, кто осмелится поднять голос против сталинской диктатуры. В соответствии с этой целью обвиняемые со своей стороны обратились к членам партии с недвусмысленными предостережениями.

Подсудимый Богуславский сказал: "Я начал с пустяка, который, на первый взгляд, может показаться невинным... В один прекрасный день вы сворачиваете с дороги, совершаете ошибку, вы настаиваете на своих ошибках и, как правильно сказал вчера государственный обвинитель, это может привести и приводит, как в нашем случае, к фашистскому контрреволюционному болоту".

Подсудимый Розенгольц выразил ту же сталинскую угрозу такими словами: "Жалкой и несчастной будет судьба того, кто допустит хоть малейшее отклонение от генеральной линии партии!"

Намечая сценарии судебных спектаклей, Сталин не смог сдержать своей страсти к самовосхвалению. Естественно, что ход этих процессов отразил симпатии и антипатии, чувства и мысли сценариста.

Вышинский, соответственно, уснащал свои обвинительные речи обильными дифирамбами "великому, гениальному, мудрому, любимому и дорогому Сталину", а одно из выступлений закончил так:

- Мы, наш народ будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге во главе с нашим любимым вождем и учителем - великим Сталиным - вперёд и вперёд, к коммунизму!

Бухарин на суде восклицал: "Он (Сталин, разумеется, - А. О.) - надежда человечества! Он - жиддитель!" Другой подсудимый, Розенгольц, провозглашал: "Да здравствует партия большевиков с её традициями энтузиазма, героизма, самопожертвования, которых нет нигде в мире, кроме как в нашей стране, идущей к светлому будущему под руководством Сталина!"

От прокурора и подсудимых не отставали и защитники: "Что же касается сталинского руководства, против которого была направлена эта борьба, - рассуждал защитник Коммодов, - ...170 миллионов заслонили своего вождя стеною любви, уважения и преданности, которую не сломить никому! Никому и никогда!"

Каждый, кому привелось читать или хотя бы просматривать официальные стенограммы московских процессов, наверняка заметил, что все они направлены в первую очередь против Троцкого. Он был особенно ненавистен Сталину, и ненависть только усиливалась оттого, что с 1929 г. Троцкий находился за границей, в изгнании, и был вне пределов досягаемости. Не имея возможности казнить этого выдающегося руководителя двух русских революций - 1905 и 1917-го - вместе с остальными сподвижниками Ленина, Сталин временно удовлетворил свою жажду мести, заставив всех участников московских процессов - подсудимых, прокурора и защитников - поносить Троцкого и изображать его главным преступником и моральным вырожденком. Задавшись целью представить Троцкого в качестве организатора и руководителя всего "контрреволюционного подполья", Сталин выдумал "нити заговора", тянущиеся в СССР из тех стран, где в разное время жил Троцкий - Дании, Франции, Норвегии.

Сталин наметил два вида этих связей Троцкого с "контрреволюционным подпольем". Во-первых, Троцкий якобы ведёт тайную переписку с руководителями этого подполья, находящимися в СССР, Во-вторых, они специально приезжают к нему из Советского Союза, чтобы отчитаться перед ним и получить новые директивы.

Мы уже знаем, что на московских процессах государственный обвинитель не смог предъявить ни одной строчки из этой "тайной переписки", хотя она шла якобы в течение нескольких лет. Тем более важно было доказать, что, по крайней мере, тайные свидания "заговорщиков" с Троцким действительно происходили, и не раз. Ради подкрепления этой версии руководство НКВД внушило троим обвиняемым - Гольцману, Пятакову и Ромму, - что им надлежит признать на суде, будто

бы каждый из них в разное время встречался с Троцким за границей и получал от него директивы для подпольной организации. Показания этих обвиняемых сделались главным козырем обвинения и, как рассчитывал Сталин, должны были принести немалый эффект. Однако неожиданно для него выяснилось, что существенные детали этих встреч с Троцким не выдерживают критики. Это обстоятельство лишило всякого юридического смысла "признания" обвиняемых об их свиданиях с Троцким.

Промах, допущенный в этом вопросе Сталиным, объясняется просто. Дело в том, что Троцкий жил за границей с 1929 года, когда его выслали из СССР. Естественно, только там он и мог встречаться с "заговорщиками". Идея таких встреч казалась Сталину настолько соблазнительной, что он упустил из виду весьма немаловажное обстоятельство: власть НКВД на границу не распространялась, следовательно, там нельзя было пресечь проверку фактов и установление истины. В этих условиях юридический спектакль, основанный на мнимых свиданиях "заговорщиков" с Троцким, был сопряжён с большим риском.

Разоблачение сталинской выдумки в данном случае произошло так.

На первом из московских процессов подсудимый Гольцман признался, что, будучи послан со служебным поручением в Берлин в ноябре 1932 года, он тайно встретился там со Львом Седовым, сыном Троцкого, и, по поручению одного из руководителей заговора (И. Н. Смирнова), передал ему для Троцкого некие отчёт и шифр для дальнейшей связи. В ходе одной из следующих встреч Седов якобы предложил Гольцману съездить вместе с ним к Троцкому, жившему тогда в Копенгагене. "Я согласился, - показывал Гольцман на суде, - но предупредил его, что по соображениям конспирации мы не должны ехать туда вдвоём. Я договорился с Седовым, что буду в Копенгагене через два или три дня, останусь в гостинице "Бристоль" и там встречу с ним. Я направился в гостиницу прямо с вокзала и в вестибюле встретил Седова. Около 10 часов утра мы отправились к Троцкому". Гольцман признал, что Троцкий сказал ему: "...необходимо убрать Сталина... необходимо подобрать людей, пригодных для выполнения этого дела".

Когда признания Гольцмана были опубликованы в газетах, Троцкий объявил их ложными и тут же, через иностранную прессу, обратился к советскому трибуналу и государственному обвинителю Вышинскому с требованием пусть они спросят Гольцмана, с каким паспортом и под каким именем он приехал в Данию.

Вышинский, конечно, не задал Гольцману таких вопросов. Зная, что датские власти регистрируют имена и паспортные данные всех въезжающих в страну иностранцев, он боялся, что западные журналисты начнут наводить в Дании справки и вся эта история будет публично разоблачена как чистейшая выдумка. Между тем показания Гольцмана были существенно важны для процесса в целом: на них базировались обвинения, выдвинутые против остальных подсудимых. В обвинительном заключении было сказано (и в дальнейшем подтверждено ещё раз в тексте приговора), что подсудимые были намечены как исполнители террористических актов согласно директивам, полученным в Копенгагене от Троцкого именно Гольцманом.

Трибунал приговорил всех подсудимых, в том числе и Гольцмана, к расстрелу. 25.8.1936 на следующий день после вынесения приговора он был приведён в исполнение. "Мёртвый не скажет", - гласит известная пословица. Сталин и Вышинский полагали, что их судебный спектакль теперь уж никогда не будет разоблачён. Однако они просчитались.

1 сентября (не прошло и недели после расстрела "заговорщиков") газета "Содиалдемократен", официальный орган датского правительства, опубликовала сенсационное сообщение; гостиница "Бристоль", где якобы в 1932 г. происходила встреча Седова с Гольцманом и откуда оба они, по свидетельству Гольцмана, направились на квартиру Троцкого, была в действительности закрыта в связи со сносом здания ещё в 1917 г. Мировая пресса немедленно подхватила сенсацию. Со всех сторон, от врагов и недоумевающих друзей, в Москву потекли запросы: как же так? Сталин хранил молчание.

В США под председательством известного философа Джона Дьюи была образована комиссия по расследованию обвинений, выдвинутых Москвой против Троцкого. Тщательно изучив факты, касающиеся "копенгагенского эпизода", она пришла к таким выводам: "Общезвестно и доказано, что в Копенгагене в 1932 г. гостиницы "Бристоль" не существовало. Очевидно, таким образом, что Гольцман не мог встретиться с Седовым в этой гостинице. Тем не менее, он ясно заявил: он уговорился с Седовым, что "остановится" в этой гостинице и встретится с ним именно здесь, и такая встреча действительно состоялась в вестибюле этой гостиницы... Таким образом, мы вправе считать установленным: ... что Гольцман не встретился здесь с Седовым и не направился с ним к Троцкому; что Гольцман не виделся с Троцким в Копенгагене"[\[1\]](#).

Помимо разоблачения "показаний" Гольцмана, комиссия абсолютно точно установила, что Седова вообще не было и не могло быть в Копенгагене в период с 23 ноября по 2 декабря 1932 г., то есть в дни, когда здесь находился Троцкий. Редко случается, чтобы частная комиссия, не облечённая государственной властью, не имея доступа к правительственным источникам информации и не нанимая специальных агентов, оказалась в состоянии собрать такое количество бесспорных доказательств - свидетельских показаний и документов, - как это удалось сделать комиссии Дьюи, в частности по вопросу о встрече Седов-Гольцман... всего два примера таких свидетельств.

Во-первых, это зачётная книжка Седова, бывшего в то время студентом Высшей технической школы в Берлине, экзаменационные листы с подписями и печатями этой школы и подписями преподавателей, журнал посещаемости занятий с датами и подписями, - все эти документы однозначно свидетельствуют, что в те дни, когда Троцкий находился в Копенгагене, его сын сдавал экзамены в Берлине. Во-вторых, личная переписка Седова с родителями, не оставляющая сомнений в том, что с 23 ноября по 3 декабря 1932 г. он находился именно в Берлине. Так, в одном из писем, адресованном родителям накануне их отъезда из Дании, он пишет: "Дорогие мои, ещё около полутора суток вы будете всего в нескольких часах езды от Берлина, но я не смогу приехать повидать вас! Немцы не дали мне разрешения продлить моё пребывание здесь, а без него я не получу датской визы, да если б и получил - не смог бы вернуться в Берлин"[\[2\]](#).

Ещё более выразительным свидетельством является открытка, посланная Седовой-Троцкой сыну из датского порта Эльсберг в день отъезда из Дании. В этой открытке с почтовым штампом "Эльсберг, 3 дек. 32" Седова-Троцкая с огорчением пишет, что им не удалось повидаться перед отъездом и кончает такими словами: "Я всё ещё надеюсь, что произойдет чудо - и мы увидимся с тобой здесь"[\[3\]](#).

Узнав о сообщениях датских газет об отсутствии в Копенгагене гостиницы "Бристоль", Сталин пришёл в бешенство: "На кой черт вам сдалась эта гостиница! Сказали бы, что они встретились на вокзале. Вокзалы всегда стоят на месте!" Сталин приказал Ягоде произвести детальное расследование и доложить ему фамилии сотрудников НКВД, виновных в такой дискредитации всего судебного процесса. В надежде как-то выправить положение Ягода сразу же отрядил в Копенгаген опытного сотрудника Иностранного управления НКВД, чтобы тот посмотрел на месте, что можно сделать для ликвидации промаха или хотя бы смягчения столь скандального эпизода. Сотрудник вернулся ни с чем. Множество людей, причастных к этому делу, недоумевало: как вообще могло случиться, что НКВД выбрало для столь серьёзного дела несуществующий "Бристоль". Ведь в Копенгагене имеется бесчисленное множество реально существующих гостиниц, - казалось бы, есть из чего выбирать! Специальное расследование, проведённое по требованию Сталина, выявило следующее.

Когда Гольцман, не выдержав инквизиторского нажима следователей, согласился, наконец подписывать всё, что ему будет предъявлено, организаторам процесса потребовалось выбрать место мнимых встреч Гольцмана с Седовым, притом такое место, чтобы оттуда легко было попасть на квартиру Троцкого.

Ежов решил, что наиболее подходящим местом является гостиница. Название соответствующей копенгагенской гостиницы следовало получить от так называемого Первого управления Наркоминдела, собиравшего информацию обо всех зарубежных странах. Однако начальник Секретного политического управления НКВД Молчанов, обеспечивавший "техническую сторону" подготовки судебного процесса, счёл неосторожным прямо обращаться в Наркоминдел за названием гостиницы в Копенгагене. Он знал, что это название вскоре будет фигурировать на открытом процессе и сотрудники Наркоминдела смогут сообразить, что к чему. Но Молчанов перемудрил. Он приказал своему секретарю позвонить в Первое управление Наркоминдела и попросить рекомендовать несколько гостиниц в Осло и Копенгагене - якобы для размещения группы видных сотрудников НКВД, направляемых в скандинавские страны.

Молчановский, секретарь, так и сделал. Но, перепечатывая полученный список гостиниц для своего шефа, он перепутал, какие из названных гостиниц находятся в Осло, а какие в Копенгагене. Так возникла ошибка, сыгравшая столь роковую роль на судебном процессе. Молчанов, как на грех, остановился на названии "Бристоль", действительном для Осло, но не существующем в Копенгагене. Откуда же было знать об этом Гольцману, подписавшему своё признание о связях с Троцким? ...» (Примечания. [1] "The case of Leon Trotsky" (John Dewey, chairman). New York-London, Harper and Brothers, 1937, p. 93, 96. [2] Там же, с.85. [3] Там же.)

«... вопреки ожиданиям следователей НКВД, - продолжает Орлов, - Сталин не довольствовался унижениями, каким подверглись на суде старые большевики, не отослал их обратно в тюрьмы и лагеря, сохранив жизнь. Не будет преувеличением сказать, что сотрудники НКВД были так же поражены казнью подсудимых, как и все остальные граждане советской страны. Постепенно на глазах всего мира выявились грубые юридические натяжки и подтасовки, из которых наиболее позорной была история с несуществующей копенгагенской гостиницей "Бристоль". Главное же, этот процесс даже у советских трудящихся вызвал растущее сочувствие к расстрелянным деятелям и даже сожаление, что этим старым революционерам не удалось свергнуть сталинскую тиранию. **В донесении Ягоды было сказано, что на стенах некоторых московских заводов появились такие надписи: "Долой убийцу вождя Октября!" "Жаль, что не прикончили грузинского гада!..."**

... в НКВД развернулась подготовка второго судебного процесса, на котором должна была фигурировать новая группа ленинских соратников. А пока что Сталин, не моргнув глазом, совершил ещё один акт произвола. 1 сентября всё того же 1936 года он вызвал Ягоду и отдал распоряжение, которое заставило содрогнуться даже самых бездушных энкаведистов. Прошло всего 6 дней после расстрела старых большевиков, которым Сталин, как мы помним, обещал сохранить жизнь. То же обещание он дал в отношении их сторонников, в прошлом участвовавших в оппозиции, а ныне отбывавших заключение в тюрьмах и лагерях. Теперь он велел Ягоде и Ежову отобрать из числа этих заключённых 5000 человек, отличавшихся в своё время наиболее активным участием в оппозиции, и тайно расстрелять их всех.

В истории СССР это был первый случай, когда массовая смертная казнь, причём даже без предъявления формальных обвинений, была применена к коммунистам. В дальнейшем, летом 1937 г., когда наркомом внутренних дел был уже Ежов, Сталин приказал ему подготовить второй список на 5000 других участников оппозиции, которые точно так же были расстреляны в массовом порядке. Не могу сказать, сколько раз повторялись такие акции, - вероятно, до тех пор, пока бывшая оппозиция не была уничтожена до последнего человека...

В самом конце августа 1936 г. следователи НКВД получили предписание добиться от Радека, Серебрякова, Сокольников и ряда других арестованных признания, что они входили в так называемый "параллельный центр". Последний, всё по той же сталинской версии, должен был начать террористическую деятельность, если б участники "троцкистско-зиновьевского террористического центра" во главе с Зиновьевым и Каменевым оказались арестованными, не успев реализовать свои преступные замыслы. Такая версия позволяла следователям убедить своих подследственных, что они не будут расстреляны, поскольку в отличие от Зиновьева, Каменева и их товарищей по первому процессу они обвиняются не в подготовке каких-либо конкретных террористических актов, а только в принадлежности к бездействовавшему "параллельному центру". Однако эту установку, данную следователям, в один прекрасный день пришлось круто изменить. Руководство НКВД распорядилось прервать следствие впредь до получения новых инструкций. Следователи не знали, что и думать. Быть может, увидев, с какой насмешкой и с каким отвращением мир отнёсся к результатам первого из московских процессов, Сталин решил отказаться от подобных процессов? Однако спустя всего несколько дней следователи были созваны Молчановым на срочное совещание, где получили директиву, звучавшую бредом сумасшедшего: им было предписано добиваться от арестованных признаний, что они замыслили захватить власть с помощью двух иностранных держав - Германии и Японии - и реставрировать в СССР капитализм. Следователи не верили своим ушам. Если б не присутствие Ежова, который сидел как ни в чём не бывало, можно было бы сомневаться, не повредился ли Молчанов рассудком».

Знаете, в чем обвинял Вышинский Троцкого? Из речи Вышинского из «Дела антисоветского троцкистского центра»: «В 1905 г. Троцкий выступает против ленинского учения о возможности победы социализма в одной стране... капитулируя таким образом, полностью перед капитализмом». Ладно, Троцкий создал РККА, которая

изгнала интервентов, это в башку Вышинского не вмещается. Но «таким образом» капитулировал полностью пере капитализмом сам Ленин. Идею победы социализма в отдельно взятой стране он называл мелкобуржуазным идеалом. Нынешние сталинисты ссылаются на его работу «О лозунге Соединенных штатов Европы». Но в этой работе Ленин пишет, что победа революции должна произойти ПЕРВОНАЧАЛЬНО в одной или нескольких странах. Слово «первоначально» сталинисты в упор не видят.

Да ведь и сам Сталин был полностью на позиции Ленина, ведь даже после смерти вождя в Свердловске он говорил студентам, что революция в России может рассматриваться лишь как часть общемирового процесса, что социализм должен победить по крайней мере в нескольких странах... Видать, не договорились поделники.

Далее.

«В течение довольно длительного времени Пятаков вообще отказывался разговаривать со следователями. Однажды вечером в НКВД приехал Серго Орджоникидзе и выразил желание переговорить с Пятаковым. Ежова, к тому времени сменившего Ягоду, не было на месте. Его заместитель Агранов, поколебавшись, позвонил во внутреннюю тюрьму и приказал доставить Пятакова к нему. Орджоникидзе двинулся навстречу вошедшему Пятакову, явно желая обнять его. Пятаков уклонился и отвёл его руки. «Юрий! Я пришёл к тебе как друг! - воскликнул Орджоникидзе. - Я выдержал из-за тебя целый бой и не перестану за тебя бороться! Я говорил про тебя ему...»

После этого вступления Орджоникидзе попросил Агранова оставить его вдвоём с Пятаковым. Их разговор продолжался с глазу на глаз... Спустя несколько дней Орджоникидзе снова появился в здании НКВД и опять был оставлен вдвоём с Пятаковым. На этот раз, перед тем как уйти, Орджоникидзе в присутствии Пятакова сообщил Агранову сталинское распоряжение: исключить из числа участников будущего процесса жену Пятакова и его личного секретаря Москалёва. Их не следует вызывать в суд даже в качестве свидетелей. Стало яснее ясного, что самому Пятакову Орджоникидзе посоветовал уступить требованию Сталина и принять участие в жульническом судебном процессе, - разумеется, в качестве подсудимого...

Пятаков, по-видимому, решил довериться Орджоникидзе. Он подписал ложное признание, в котором подтверждал, что, воспользовавшись поездкой в Берлин в декабре 1935 г., написал оттуда письмо Троцкому, находившемуся тогда в Норвегии. Пятаков якобы испрашивал директив Троцкого об оказании финансовой поддержки заговорщикам внутри СССР... подтвердил, что получил ответ Троцкого: тот якобы сообщал, что им достигнуто соглашение с германским, нацистским правительством... немцы обязались вступить в войну с СССР и помочь Троцкому захватить власть в СССР. За это Троцкий обещал отдать немцам территорию Украины и предоставить ряд экономических уступок. В связи с этим соглашением Троцкий якобы требовал в письме к Пятакову, чтобы антисоветское подполье усилило свою вредительскую деятельность в промышленности.

Слушая на совещании в Кремле доклад о признаниях, сделанных Пятаковым, Сталин спросил: не лучше ли написать в обвинительном заключении, что Пятаков получил директивы Троцкого не по почте, а во время личной встречи с ним? Так родилась легенда, как Пятаков летал в Норвегию на свидание с Троцким. Чтобы версия была более убедительной, Сталин распорядился: пусть начальник Иностранного управления НКВД Слуцкий разработает схему путешествия Пятакова из Берлина в Норвегию, с учётом расписания поездов Берлин - Осло.

Когда мы со Слуцким встретились в Париже, в санатории профессора Бержера (это произошло в феврале 1937 г.), он рассказал мне, что случилось на следующем кремлёвском совещании по делу Пятакова.

Слуцкий доложил Сталину, что собранные им данные не позволяют принять версию о личной поездке Пятакова в Норвегию. Дело в том, что по действующему расписанию путешествие Пятакова в Осло, учитывая время, необходимое, чтобы добраться из Осло в Вексаль, где жил Троцкий, и побеседовать с ним, займёт минимум двое суток. Было бы очень опасно утверждать, что Пятаков исчезал из Берлина на столь продолжительное время: по данным советского торгпредства в Берлине, он ежедневно проводил там совещания с представителями различных немецких фирм и чуть ли не каждый день подписывал с ними контракты.

Сталин был недоволен докладом Слуцкого и, не дождавшись изложения всех минусов обсуждаемой легенды, возразил: "Может быть, то, что вы говорите насчёт расписания поездов, действительно верно. Однако Пятаков мог ведь слетать в Осло и на самолёте? Полёт туда и обратно, наверное, можно совершить за одну ночь?"

Слуцкий заметил, что самолёт (не забудем, полёт должен был относиться к 1935 г.) берёт очень мало пассажиров и фамилия каждого из них записывается в журнал авиакомпании. Но Сталин уже принял решение: "Надо указать, что Пятаков летал на специальном самолёте. Для *такого дела* германские власти охотно дали бы самолёт!"

Слуцкий, любивший хвастаться, что ему часто приходится разговаривать со Сталиным, рассказал мне об этом совещании под большим секретом. Впрочем, через несколько дней я узнал, что то же самое он рассказал резиденту НКВД во Франции, тоже под большим секретом, однако в присутствии ещё одного сотрудника Иностранного управления.

Показания, подписанные Пятаковым, пришлось соответственно переписать, исключив из них письмо, якобы пришедшее от Троцкого. Версия насчёт указаний, полученных от Троцкого, несколько усложнилась. Согласно новой версии, оглашённой на суде, в середине декабря 1935 г. Пятаков приземлился на аэродроме под Осло и, пройдя официальную проверку документов, отправился на машине к Троцкому, с которым и вёл переговоры. Они обсуждали план свержения сталинского режима и захвата власти с помощью немецких штыков.

Горький опыт предыдущего процесса, когда была упомянута несуществующая гостиница "Бристоль", заставил организаторов нового процесса предостеречь Пятакова от "излишних подробностей". Пятаков не должен был говорить, под каким именем он совершил путешествие в Норвегию и получал ли он въездную визу. В остальном как будто было всё в порядке: Пятаков вполне мог слетать за одну ночь в Осло и обратно, и самый придирчивый скептик не имел возможности проверить, действительно ли одиночный самолёт появлялся над Норвегией под покровом декабрьской ночи. И, тем не менее, Сталина ждал жестокий удар.

25.1.1937, через 2 дня после того, как Пятаков изложил суду всю эту историю, в норвежской газете "Афтенпостен" появилась заметка: «Совещание Пятакова с Троцким в Осло выглядит совершенно неправдоподобным... Он будто бы прибыл на самолёте на аэродром Хеллер. Однако персонал этого аэродрома утверждает, что никакие гражданские самолёты в декабре 1935 г. там не приземлялись...»

Это сообщение застало Сталина и его помощников врасплох. Надо было срочно что-то предпринять. Но что? Объявить, что самолёт сел не на аэродром Хеллер, а на какой-нибудь другой? Однако было известно, что в окрестностях Осло только этот аэродром принимал гражданские самолёты. Внушить Пятакову, что он вообще не нуждался в аэродроме, а сел в пределах акватории ближайшего порта, тоже было поздно: ведь стартовал он якобы с берлинского сухопутного аэродрома Темпельгоф.

Чтобы как-то ослабить впечатление, произведённое заметкой в "Афтенпостен", Вышинский предъявил суду официальную справку консульского отдела народного комиссариата иностранных дел СССР, где говорилось: "...аэродром в Хеллере, около Осло, принимает круглый год, согласно международным правилам, аэропланы других стран, прилёт и отлёт аэропланов возможны и в зимние месяцы". Таким образом, вместо того чтобы ответить на категорическое утверждение норвежской газеты, Вышинский наводит тень на ясный день и вводит в игру столь слабый козырь, как констатацию *возможности* аэродрома в Хеллере принимать самолёты зимой...

29 января уже другая норвежская газета, "Арбейдербладет", орган правящей социал-демократической партии, опубликовала ещё одно сообщение: "Сегодня, в ответ на запрос корреспондента газеты "Арбейдербладет", управляющий аэродромом в Хеллере Гулликсен сообщил по телефону, что в декабре 1935 г. там не приземлялись никакие иностранные самолёты". Далее в том же сообщении говорилось, что, согласно официальному журналу полётов, за период между сентябрём 1935 г. и 1.5.1936 на аэродроме в Хеллере совершил посадку один-единственный самолёт. Излишне добавлять, что это, конечно, не был самолёт, доставивший Пятакова. Сталин и Вышинский ещё раз попались с поличным как фальсификаторы.

Не теряя времени, в спор включился Троцкий. Он через посредство мировой прессы предложил Вышинскому спросить Пятакова, какого числа тот вылетел из Берлина в Осло, получал ли он визу на право въезда в Норвегию и, если получал, то на чьё имя. Троцкий просил московский суд использовать официальные каналы сношений с норвежским правительством для проверки правдивости показаний Пятакова. "Если выяснится, - заявил Троцкий, - что Пятаков действительно побывал у меня, значит, я окажусь безнадёжно скомпрометирован. Если же, напротив, я смогу доказать, что история нашей встречи вымышлена от начала до конца, - полной дискредитации подвергнется вся система "добровольных признаний" обвиняемых. Показания Пятакова должны быть проверены *немедленно, пока он ещё не расстрелян*". Вышинский как прокурор обязан был проверить правдивость показаний Пятакова и без вмешательства Троцкого. Однако он не мог этого сделать: не для того готовил он вместе с другими судебный фарс, чтобы затем разоблачить его.

Когда Троцкий увидел, что организаторы судебного процесса не собираются что бы то ни было проверять и готовы продолжать своё дело, не считаясь с общественным мнением, он решился на отчаянный шаг: бросил вызов советскому правительству, написав в Москву, чтобы оттуда потребовали его выдачи Советскому Союзу для предания суду в качестве сообщника Пятакова и других обвиняемых.

Бросая такой вызов, Троцкий ставил на карту собственную жизнь... Но всё дело в том, что Сталин *боялся* выдачи Троцкого, ибо знал, что, согласно закону, сначала норвежский суд должен будет проверить обвинения, выдвинутые против Троцкого, и досконально расследовать историю с полётом Пятакова в Осло, а может быть, заодно и скандальный эпизод, связанный с гостиницей "Бристоль". Сталин, разумеется, не мог допустить, чтобы его фальшивки были представлены на беспристрастный норвежский суд. Более выгодным было требовать не выдачи Троцкого, а подослать к нему тайных агентов, которые могли бы заставить его замолчать раз и навсегда.

Пятаков добросовестно выполнил свои обязательства... 30.1.1937 военное ведомство Верхсуда приговорило 13 из 17 подсудимых к смертной казни... Пятаков, Серебряков и другие ближайшие сотрудники Ленина, были расстреляны в подвалах НКВД. Спустя три недели после расстрела Пятакова газеты сообщили, что народный комиссар тяжёлой промышленности Серго Орджоникидзе, которому было всего 50 лет, внезапно умер от сердечного приступа. Орджоникидзе похоронили с большими почестями. ЦК обязал партийные организации по всей стране провести траурные заседания и должным образом оплакать смерть "железного наркома, верного соратника товарища Сталина".»

Действительно, вы когда-нибудь видели, чтобы так себя вели подсудимые, если они настоящие преступники? Вы слышали подобную чушь из уст реальных преступников: Пеньковского, директора Елисеевского гастронома, Медунова, или реальных, а не мнимых фашистов на Нюрнбергском процессе?

Вот такую-то мешанину из всякого рода фальсификаций, пропаганды и саморекламы Сталин пытался выдать за объективный суд.

Крыленко на процессе по делу выдуманного Меншевицкого бюро РСДРП, обвинял разрушителей советской промышленности, инженеров, технологов, руководителей в том, что они агенты гестапо. Крыленко не ведал, что у гестапо за рубежом в те годы агентов не водилось. Вообще. Правда, многих тогда хоть и не оправдали, но отпустили – в отличие от 1937 г., а Рамзин позже даже награду получил.

Вот еще выдержка из речи Вышинского на процессе о троцкистском центре «Как они боролись против Ленина»: «Вот Ратайчик, не то германский, не то польский разведчик (!!! Т.е. заранее нет никаких вещественных доказательств, Б. И.), но то, что разведчик, в этом не может быть сомнения... И вот, этот Ратайчик, со всеми своими замечательными, вскрытыми следствием и судом, качествами, становится ближайшим помощником Пятакова по химической промышленности. Химик замечательный! (Движение в зале.) Пятаков знал, кого выбирал. ... Если бы у Пятакова не было никаких других преступлений, то только за одно то, что он подпустил такого человека к химической промышленности, его надо было привлечь к самой суровой ответственности!»

Что ж тогда не привлекли к самой суровой ответственности Сталина, назначившего на должность Ягоду и Ежова, ставшими впоследствии врагами народа?

Еще веселее дело обстояло с одним инженером, которого судила тройка. Его заставляли сознаться, что он английский шпион. Больше того: чтоб он это доказал. Инженер шпионом себя называть не стал, но в доказательство своей шпионской деятельности привел факты подписания им договоров с британскими фирмами. Получил свой срок, а вот уж из лагеря наладился писать письма с требованием пересмотра дела. Дело в том, что все договоры он подписывал с санкции правительства СССР...

Почему Вышинский так упирает на происхождение Раковского? Он и предпринимателя Энгельса упрятал бы в концлагерь, и Коллонтай, и Ленину бы дворянское происхождение припомнил. В чем причина, ведь сам Сталин назвал такой подход биологическим? Подельники снова не договорились...

Сложнее с презумпцией невиновности. Современные сталинисты утверждают: «Какая может быть презумпция невиновности, когда нарастает классовая война!?» Но ведь кажется яснее ясного: если на улице схватили первого попавшегося, затащили в подвал и приказали доказать, что он не немецкий шпион, то это явная глупость! Даже в самый острый момент классовой борьбы, сразу после революции, человека с явно непролетарским происхождением, графиню Панину, своровавшую общественные деньги, грозный пролетарский суд не расстрелял, отпустил. С формулировкой «выразить общественное порицание». Почему? Потому что это был большевистский, а не сталинский суд.

Однако Сталин (в беседе с Фейхтвангером) ссылается на то, что в СССР якобы придерживаются англосаксонской системы правосудия, где вещественные доказательства играют второстепенную роль, главным фактором – красноречие обвинения и защиты, царицей же доказательств является собственное признание.

Однако никакой защиты не было. Что до собственно англосаксонской системы, мы ее хорошо узнали по делу Скрипалей, когда Россию огульно обвинили, полностью игнорируя вещественные доказательства.

14.5.2019